

правильный и предвѣчно-установленный процессъ заставляетъ его кружиться безсильно, какъ щепку въ потокѣ.

Но тѣмъ, которые готовы отказаться отъ гордыни разума, брезжить маленькой лучъ свѣта и темная бурная ночь общааетъ разсѣяться. Великій поводырь говоритъ намъ, мятущимся слѣпцамъ: „допустимъ, что должны были люди Европы, подъ предводительствомъ Наполеона, зайти въ глубь Россіи и тамъ погибнуть, и вся противорѣчащая сама себѣ, безмысленная, жестокая дѣятельность людей—участниковъ этой войны, становится для насъ понятно“¹⁾. Иногда, конечно, на вопросъ о томъ, что составляетъ причину историческихъ событій, представляется другой отвѣтъ, заключающійся въ томъ, что ходъ міровыхъ предопредѣленъ свыше“²⁾. Этотъ отвѣтъ намъ все уясняетъ: „Провидѣніе заставляло всѣхъ этихъ людей... содѣйствовать исполненію одного огромнаго результата, о которомъ ни одинъ человекъ не имѣлъ ни малѣйшаго чаянія“.

Къ чему мы пришли?—Къ безнадежному фатализму затеряшагося человека. Ясно, что приведеніе всей исторіи къ общему знаменателю „воли Провидѣнія“ есть социологическое привидѣніе, но пусть оно насъ не отпугнетъ.

Часовой механизмъ, заведенный Провидѣніемъ—вотъ каковой намъ пока вырисовывается исторія. Но каково же содержаніе того историческаго процесса, механизмъ котораго такъ математически опасалъ Толстой? Отвѣтъ содержится въ самой эпопее. Здѣсь передъ нами проходитъ исторія начала XIX вѣка, но исключительно съ той стороны, которую специалисты называютъ „прагматической“,—исторія того времени, какъ она выразилась въ движеніяхъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ. Правда, въ этомъ движеніи принимаютъ участіе и историческія лица, и повседневные люди, но во всемъ романѣ нѣтъ фона историческихъ будней, т.-е. той дѣйствительно непрерывной закулисной подоплеки, которую разные историки называютъ различно: то „органической“ частью, то социально-экономическимъ базисомъ. Только здѣсь яснѣе всего обнаруживается та почти стихійная непрерывность, о которой выше говорилъ Толстой. Скажутъ, пожалуй, что смѣшно требовать, чтобы въ историческомъ романѣ давалось социально-экономическое изслѣдованіе эпохи³⁾. Но какъ исторія

1) „В. и М.“ т. III стр. 124.

2) *Ibid.* т. III стр. 272.

3) У насъ волей-неволей появляется вопросъ, почему можно было въ „Войнѣ и Мирѣ“ давать, напр., подробную карту Бородинскаго поля битвы, почему можно приводить тексты диспозицій и не говорить объ экономическо-соціальной основѣ народной жизни.